

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «КАТАСТРОФИЧНОГО» ПРОШЛОГО*

В.П. Булдаков

Автор подвергает сомнению сложившиеся представления об Октябрьской революции как политическом перевороте, обусловленном в первую очередь «объективными» предпосылками. На его взгляд, революция в России может рассматриваться как системный кризис империи, связанный с долговременными изменениями в психологии масс. В связи с этим он предлагает обратить более существенное внимание на такие провоцирующие имперскую нестабильность факторы, как демографический бум, этнические и гендерные диспропорции, рост этнофобии и т. п.

Ключевые слова: Октябрьская революция, насилие, империя, массовая психология, этнодемография, культурная антропология, этнофобия

Чем дальше мы отделяемся от событий 1917 года, тем более убогие их интерпретации предлагают российские *mass media*. С другой стороны, историки в массе своей по-прежнему топчутся на месте, практически не выходя за пределы политических описаний произошедшего. Похоже, что с тех пор, как «всеобъемлющая» марксистская теория оказалась дискредитирована, в умах основной массы российских исследователей возник когнитивный вакуум, который не в силах восполнить новейшие теории революции¹. Как следствие травмы исторической памяти², всё большее распространение получают старые как мир конспирологические «теории» революции, преподносимые в новейшей «политтехнологической» упаковке³ – события прошлого воспринимаются на манер оказавшегося не у дел царского жандарма.

Не менее поразительно и то, что своё «мнение» о революции теперь имеет всякий «политолог», знания которого о прошлом укладываются в рамки плохонь-

---

* Работа выполнена при поддержке Нидерландской научно-исследовательской организации (NOW), Международного института социальной истории (Амстердам), а также программы «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» Президиума РАН.

¹ Хотя предлагается уже «четвёртое поколение» теорий революции (См.: Goldstone J. The Comparative and Historical Study of Revolutions // *Revolutions. Comparative and Historical Studies*. Ed. by J. A. Goldstone. Davis, 2003. P. 13–19), влияния таковых на конкретные исследования не прослеживается.

² Об этом см.: Булдаков В.П. Революция и гражданская война как травма исторической памяти // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. 2007. № 26 (54); *Он же*. Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма // *Россия и современный мир*. 2008. № 2 (59).

³ См.: Кагарлицкий Б. Наваждение. Симптомы одной болезни: конспирология и политтехнология // *Русская жизнь*. 2008. № 6 (23). С. 25–26.

кого вузовского учебника. Принцип исторического параллакса, благодаря которому по мере удаления от наблюдаемого предмета у исследователя возникает возможность увидеть его в пространстве *longue durée*, оборачивается изнанкой отчуждения: революцию начинают оценивать мерками современности⁴. Сегодня всякий готов судить о революции (и ещё охотнее «судить» революцию) соответственно собственным обывательским (по иронии истории выдаваемым за постмодернистские) представлениям о царях, политиках, вождях. Во взглядах на революцию современного «интернетовского» поколения реальное, воображаемое, символическое составили нелепую мешанину – подобно тому, как в сознании дикаря культовый предок и вождь-спаситель, враждебное племя и нечистая сила сливались в синкретичный клубок вневременных миропредставлений.

Создаётся впечатление, что современные наследники «Великого Октября» попросту не знают, как им быть с феноменом революции (отсюда избыточная эмоциональность суждений на этот счёт). В сложившейся ситуации надежнее всего исходить из того, что проблема революции (системного кризиса, «смуты») – это не проблема «случайной» катастрофы, а проблема *не/стабильности развития России* (здесь и далее курсив мой. – В.Б.). Это проблема закономерностей *иного* порядка – тех, которые не умеют разглядеть люди, ушибленные в своё время формационной теорией.

Строго говоря, проблема изучения революции сводится к навыкам прочтения *языка хаоса*, причём помочь в этом могут даже привычные данные позитивистского ряда.

Основные мои соображения о природе Октябрьской революции – составляющую сердцевину одного из трёх системных кризисов Российской империи – были уже изложены⁵. В рамках настоящей статьи имеет смысл попытаться обозначить иное культурно-антропологическое и этнодемографическое – её измерение на конкретных примерах.

* * *

Историческая память сослужила науке дурную службу, связав ход истории с войнами и переворотами, со сменой королей, династий, правителей, а не с культурной эволюцией человеческого естества. И если сегодня существует возможность поставить наши представления с головы на ноги, то они всецело связаны с культурно-исторической антропологией и связанными с нею революционно-синергетическими «сюрпризами». При этом нельзя забывать, что человек – не только продукт культурной среды, но и биологический вид, отягощённый склонностью к убийству себе подобных и танатомании. В определённых людских сообществах, как и в определённые «переломные» эпохи, разрыв между этосом, яв-

⁴ Поразительно, но некоторые авторы приветствуют попытки представить «события вековой давности в новом, современном понятийно-терминологическом оформлении», делая тем самым исторический опыт понятным «в контексте научного языка XXI века» (Семенникова Л.И. Современная историография истории России XX века: система координат // Историки размышляют: Сб. ст. М., 2008. Вып. 6. С. 23). Авторам, воспитанным на «марксистско-ленинской методологии», а затем «порвавшим» с ней, даже не приходит в голову, что историк должен исходить из принципов герменевтики, то есть «прочитать» прошлое на его языке, избегая опасности буквального перевода на язык современности.

⁵ См.: Булдаков В.П. Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; Он же. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63.

ляющим временным продуктом культуры, и устойчивым примордиалистским «дном» человеческой психики достигает такого напряжения, что те или иные социумы, а затем и общество в целом могут «срываться» в пресловутый «бунт – бессмысленный и беспощадный». При этом следовало бы усвоить, что на деле такой бунт обладает своей собственной логикой – логикой, которую наше «просвещённое» (точнее – обывательское) сознание не желает (или боится) принимать.

В своё время С. Жижек писал, что при осмыслении трагедии Октябрьской революции «необходимо выступить против обоих соблазнов: троцкистской идеи, что сталинизм был, в конечном счёте, случайным отклонением, но также и идеи, что коммунистический проект был в основе своей тоталитарным»⁶. Революцию можно и нужно оценивать с позиций социальной синергетики, отталкиваясь от представления, что главным фактором, направляющим динамический хаос, остается сам человек, сколь бы ничтожным он не ощущал себя перед её лицом. Увы, в оценке революции современные авторы чаще исходят из максим, порождённых либо ей самой⁷, либо её вялым современным «отрицанием». Трудно придумать что-либо глупее попыток «измерить» революцию мерками исторического безвременья.

Мне уже сотни раз приходилось говорить и писать о том, что русская революция – это не примитивный политический переворот, а системный кризис империи, связанный с резонированием ритмов европейской и российской истории и включивший в себя различные уровни или стадии своего протекания: *этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный*. Эти компоненты *протяжённого* кризиса постоянно взаимодействуют друг с другом, но на том или ином хронологическом отрезке времени обычно преобладает один из них. Кризис назревает длительное время, но развязка его происходит стремительно, чего нельзя сказать о процессе ревитализации имперского организма. При этом надо заметить, что российская «политика» связана преимущественно с сопротивлением власти. Строго говоря, это риторичная и ригоричная «*протополитика*», характерная для архаичных социумов, а не политика в полном смысле слова. На мой взгляд, с марта 1917 г. начинается не политическая стадия системного кризиса, а социальная, перерастающая в охлократическую – действия политиков практически теряют всякий смысл на фоне активизации толп.

В связи с этим стоило бы обратить внимание не просто на предпосылки, а на некоторые «генетические» изъяны российского имперского организма, которые дают о себе знать в форс-мажорных исторических обстоятельствах. Представляется, что следует исходить из представления, что империя – это не исключение, а *правило* всемирной истории. Во-первых, имперская структура соответствует людским онтологическим иерархичным мироощущениям. Во-вторых, именно империя отвечает всеобщим религиозным представлениям о соотношении небесного и земного «порядка». В-третьих, только империя органично корреспондируется с архаичными, восходящими к доисторическим временам человеческому инстинкту (патерналистскому в своей основе) власти–подчинения (что соответствует периоди-

⁶ Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008. С. 392.

⁷ Именно так до сих пор поступают коммунистические авторы, упорно сопоставляя современность с образом «идеального» Октября. См.: Великий Октябрь и социализм XXI века. СПб., 2008.

ческой реактивации исторического подсознания). Наконец, империя – это просто принципиальное условие культурной динамики человечества. Исторически империя – всего лишь *продукт пассионарной стадии развития той или иной культуры, которой стало тесно в рамках породившей ее социальной среды, в силу чего она попыталась насильственно обуздать окружающий её «хаос» и навязать свою волю соседям*. Совершенно не случайно имперские успехи бывают связаны с ростом этнического ядра империи. В том случае, когда рост народонаселения разрушает сложившиеся имперские иерархии, происходит прямо противоположный процесс.

В первой половине XIX в. Россия была объявлена «православной» империей, хотя на деле она строилась на принципах этноконфессиональной иерархии и управлялась рационалистически мыслящей космополитичной бюрократией. Это само по себе превращало сакральное пространство империи в набор симулякров. Уже в этом был внутренний источник дисбаланса – поэтому удержать в устойчивом состоянии гигантскую империю можно было при условии, если сама она являлась предметом культового поклонения низов, корреспондируемого через собственные иерархии. Стабильность власти оказалась связана с тем, чтобы в ней видели Власть, а не самую большую «потёмкинскую деревню».

Следует также иметь в виду, что при этом Россия имела характерную *метакультурную* особенность. Некоторые западные авторы объясняют кризисность Российской (и советской) империи тем, что она, составляя внутреннее социокультурное имперское целое, вместе с тем оставалась *периферией* Европы, а потому наиболее остро реагировала как на общеевропейские идейные инфекции, так и катаклизмы⁸. К этому следует добавить, что в отличие от европейской цивилизации, несущей в себе гены *само*модернизации, Россия представляло собой традиционную империю, для которой модернизация предполагала «технологизацию» социального пространства при постепенном *само*устранении самодержавия. Поэтому для власти модернизация поднималась на уровень онтологической проблемы, а не вопроса самосовершенствования.

В любом случае, империю можно представить как систему внутренних исторически функциональных иерархий, которые должны поддерживаться в состоянии динамического равновесия. Грубо говоря, протоимперские (протогосударственные) системы были теократичными, раннеимперские – милитократичными, позднеимперские – бюрократичными: жрецов сменяли полководцы, полководцев – бюрократы. Эпоха первоначального накопления добавила к этому олигархический компонент. Речь идёт не просто об определённых сословиях, а иерархических структурах, не механически сменяющих друг друга, а органично сосуществующих между собой в силу своей относительной изоморфности и/или симбиотичности – таково естественное условие устойчивого (эволюционного) имперского существования.

Строго говоря, основной российский культурно исторический парадокс связан с тем, что византийско-православная государственность обрела неадекватную ей монгольско-кочевническую систему управления, причём со временем место баскака занял другой «чужак» – «немец»-бюрократ. Такие метаморфозы российского управления сами по себе провоцировали веру в доступность революционных перемен. Последние же невольно провоцировались внешними условиями существ-

⁸ Ливен Д. Россия как империя и периферия // Линия судьбы. Сборник статей, очерков, эссе. М., 2007. С. 46; Страда В. Россия как часть и Иное Европы // Там же. С. 11.

вования империи – власть, ориентированная на внутренний «застой», не умела оперативно реагировать на внешние «факторы непредсказуемости».

В Российской империи к началу XX в. наблюдался полный разрыв в основных системообразующих иерархиях. Духовная иерархия пребывала в наиболее плачевном состоянии: раскол XVII в., синодальное правление, «безбожный» XVIII в., финансовые трудности – всё это вело к деградации основных «идеологов» империи. Во всяком случае, в официальной триаде православие–самодержавие–народность первый компонент влачил весьма жалкое существование даже сравнительно с другими конфессиями. В военной иерархии сохранялись свои недуги: прежде всего, «немецкий» облик высших чинов далеко не соответствовал народным представлениям о «своём» боевом генерале. При этом военное управление плохо стыковалось с гражданским – в годы первой мировой войны здесь обнаружилась полная несовместимость.

Бюрократия испокон века везде была фактором десакрализации властного начала. Что касается российского инокультурного, иноэтничного и масонствующего чиновничества, то, начиная с XIX в. его можно считать псевдорационалистичным вызовом православным основаниям империи. Во всяком случае, паранойя поиска «внутреннего немца», обострившаяся в годы Первой мировой войны, не случайно направилась против «германизированных» генералов и бюрократии.

Управленческие структуры империи должны органично сочетаться с жизнеобеспечивающими и инновационными. И здесь не следует обольщаться ни относительно высоких темпов экономического роста в промышленности, ни «цветущего» сельского хозяйства. В промышленности господствовал либо иностранный (или автохтонно-инославный), либо старообрядческий капитал – органичного встраивания буржуазных отношений в православное социальное пространство не произошло. Инфраструктура, несмотря на «железнодорожный бум», не успевала за потребностями модернизации. В аграрной сфере положение также было сложным: дворянство представляло собой скудеющее сословие; абсолютное большинство крестьянского населения жило по законам производительно-потребительского баланса. Как только в результате роста народонаселения он оказался основательно нарушен, произошёл экстраординарный рост крестьянской преступности⁹. Товарное зерновое хозяйство существовало изолированно от моря крестьянских хозяйств, балансировавших на грани природного выживания – отсюда особо опасный для империи феномен «оскудения центра», обернувшийся истощением её этнического ядра¹⁰. Даже поставки зерна на экспорт были связаны с региональной специализацией земледелия, географически привязанной к оптимальным путям вывоза, причём экспорт осуществлялся преимущественно торговцами нерусского происхождения. В условиях мировой войны правительство оказалось не в состоянии эффективно переориентировать продовольственные грузопотоки с юга на запад (для снабжения армии), а «сухой закон» ещё более усилил финансовую зависимость России от Запада.

⁹ С 1901 по 1912 г. количество грабежей с насилием в крестьянской среде увеличилось в 2,23, убийств – в 2,5 раза, причем количество убийств, совершенных в запальчивости и раздражении – в 3,5 раза. С 1912 г. резко выросла молодежная преступность. См.: Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов-на-Дону, 2009. С. 402–404, 406.

¹⁰ См.: Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «Великих потрясений» (1905–1917). Тула, 2000.

Производственно-технологические структуры в любой динамичной системе должны быть состыкованы с информационно-управленческими. В России многообразие образовательных, научных, судебных, военных иерархий чрезвычайно причудливо (и вполне бессистемно в модернизационном смысле) наложилось на географическую карту империи. Военные иерархии особо сложно переплелись с административно-управленческими. Наука существовала совершенно изолированно от отечественного производства. А, между тем, все производственно-инновационные структуры должны были быть объединены общепонятной иерархией смыслов и ценностных устремлений, позволяющих не только удерживать систему в состоянии динамического равновесия, но и направлять её ускоренное развитие.

В значительной степени развал иерархии стал возможным благодаря действию антисистемных элементов – в данном случае речь идёт не просто о личностях диссипативного склада (свободных радикалах), а о феномене интеллигенции. Не приходится сомневаться, что если слой образованных людей не находит естественного применения своим способностям к лидерству и управлению, то рано или поздно из него сложится антисистемное сообщество, руководствующееся постулатами, изначально противными имперской государственности. И поскольку подобный слой принципиально отрицает язык патерналистской государственности, то в критических обстоятельствах его доктринальные установки начнут резонировать с народными утопиями и предрассудками. Не стоит, однако, демонизировать интеллигенцию – она всего лишь сыграла роль взрывателя, а не бомбы.

* * *

Русская смута, включая её большевистскую «красную» ипостась – это не козни «врагов России», не временное помутнение разума, а врождённый порок или хроническая болезнь, от которой россияне до сих пор не излечились. Причины её в том, что они до сих пор поклоняются одной «религии» – имя которой «большая», то есть имперская Власть. И это делается вопреки тому, что главная цель такой власти *в ней самой*¹¹, а вовсе не в обслуживании окружающих её идолопоклонников. Обнаруживая неспособность к общественной самоорганизации (власть от этого отучила), народ по-прежнему отказывается от создания собственных (общественных) ценностей и смыслов. Власть этим пользуется, охотно этицизируя всё, на что способны её подданные. Пребывая в вечном религиозном дурмане, россияне готовы простить этой власти любые деяния – их историческая память (точнее – беспамятовость) генерирует бесконечную цепь имперских самообольщений. Подданные империи способны лишь временно усомниться в своей вере – при условии, что власть предстанет бездушным механизмом, управляемым немощным правителем. Генетический «изъясн» российского социэтального организма, становится очевиден лишь при условии, что «маленький человек» утратил представление о ценностях и смыслах имперского существования.

Некоторые современные исследователи, игнорирующие неоспоримый факт предреволюционной десакарализации власти, объявляют Николая II «либеральным

---

¹¹ Пивоваров Ю.С. Русская политика в её историческом и культурном отношении. М., 2006. С. 86.

консерватором» и даже активным реформатором¹². На деле это был человек, ни к чему не способный – это видели даже убеждённые монархисты¹³. Его падение не было случайным, но дело не только в этой печальной фигуре. В условиях, когда вместо *общества* существуют лишь служилые (а ещё хуже, если «полуслужилые») сословия, не способные найти общий язык между собой *без* посредничества государства, власть может показаться «ложной».

Россияне сами воспроизводят и объект поклонения, и способы его устранения. Тем не менее, большинство современных авторов (которые, так или иначе, крутятся вокруг «идеала власти») не желают задуматься над тем, что в разные исторические эпохи был «закинут» фактически один и тот же (применительно отношению к власти) *homo rossicus*. Несмотря на появление работ, показывающих, что кризисность является «нормой» российской истории¹⁴, обществоведы до сих пор избегают постановки вопроса о «генах» революции. В значительной степени это связано с давлением политики: «официальная» историческая память в полном смысле слова парализует историческое знание в России.

Всякое самопознание начинается с самокритики. Последнее для россиян, не привыкших полагаться на самих себя, оказывается неприемлемым. В своё время некоторые авторы писали об эпилептоидности культурно-генетического склада русских – но признать это не позволяют правила российской «политкорректности». Впрочем, эпилептоидность социального поведения – явление довольно позднего времени, включая время в котором мы живем.

Во времена доисторические россияне могли прокормиться без власти, основываясь на принципах производственно-потребительского (природно-экологического) баланса. Тем не менее, власть в России упорно произрастала снизу – вероятно, как гарант от превратностей природных и прочих катаклизмов. Сыграла свою роль и патерналистско-пространственная онтология – потребность «царя в голове».

Овладеть пространством людских душ нелегко. Защитные механизмы крестьянских общины были столь сильны, что преодолеть их удалось только с помощью крепостного права. Неизбежность существования общины, обусловленная её производственно-социальными функциями, в конечном счёте, вызвала к жизни наиболее жёсткие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объёме, приобщая к этому служилые классы. Так формировалась культура «закрепощения сословий», наложившая печать не только на социокультурный облик населения, но и систему «особых» российских ценностей.

Говоря об особом отношении российских подданных к власти, хотелось бы обратить внимание на этимологический аспект проблемы. Кажется, только в русском языке возможно словосочетание «жить в государстве» – не в обществе, не в стране, не в империи. Казалось, в государстве, то есть внутри аппарата, механиз-

¹² См.: Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: К постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4.

¹³ См.: Стогов Д.И. Февральские события 1917 года глазами консерваторов // 90 лет Февральской революции в России / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2007.

¹⁴ См.: Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005; Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005; Он же. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007; Он же. Кровь и почва русской истории. М., 2008; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Он же. Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления.

ма, машины, невозможно жить даже чиновнику, однако россияне ухитряются «жить в государстве», поскольку общества, в котором полагается жить, попросту не существовало. Трудно ожидать, чтобы человек согласился вечно терпеть такое состояние. Смирение и бунт – таковы слагаемые российского типа революционаризма.

Своего рода «притирка» власти и народа относится к явлениям *всеобщим*. Но притирка методом этатизации социального пространства конфликтогенна по определению. Государство, которое на протяжении столетий занимается искусственным форматированием социальной среды рано или поздно рискует ошибиться. В форс-мажорных обстоятельствах эта ошибка может стать роковой.

Наиболее издевательским в этой связи выглядит миф об особом коллективизме россиянина – «послушного» общинника. На деле, дореволюционные авторы отмечали, что «при общинном владении убита вся энергия, всякая предприимчивость», «община поработила личность, связала её по рукам и ногам, она же породила косность и нерадение»¹⁵. Естественно, крестьяне это хорошо понимали. Предреволюционный общинник превратился в яростного антиколлективиста: общине (в прошлом свободному трудовому сообществу) были навязаны государственно-фискальные функции, с другой стороны, она была перенасыщена «мироедским» насилием. Он – «коллективист» в той мере, в какой готов использовать общину для сопротивления государственности. Нормальный коллективизм возможен лишь в *социальной среде, состоящей из свободных*, а не под диктовку государства. Разлагающаяся общинность чревата охлократией. Россиянин склонен бунтовать против всех, даже конкретного государства – во имя *воображаемой* власти.

Размытость граней между реальным, воображаемым и символическим, характерную не только для синкретичного сознания народа, но и «книжного» воображения образованных слоёв, следует отнести к одному из важнейших деструктивных факторов всей российской истории. Человек, самостоятельный потенциал которого парализован государственностью, привыкший к «виртуальному», как и «домашнему», насилию, легко согласится признать его не просто повивальной бабкой, но и самым двигателем «прогресса». Более того, насилие перемещается в «анестезирующую» карнавальную плоскость, где боль других и даже своя собственная перестаёт ощущаться.

Для россиянина всегда было характерно амбивалентное отношение к власти – источник известного рода неврозов. В свое время З. Фрейд, пользовавшийся русских революционеров, отмечал, что «амбивалентность чувств есть наследие душевной жизни первобытного человека, сохранившееся у русских лучше и в более доступном сознанию виде, чем у других народов». По его мысли, для русских была характерна привычка «попеременно то грешить, то, раскаиваясь» – строго говоря, в этом можно усмотреть истории революционной деструктивности. Применительно к сегодняшним представлениям о революции это звучит едва ли не пророчески.

Россия не случайно так легко впадает в революционные психозы, а затем расправляется с революционерами. Реальное участие во власти слишком тяжело для народа. Стоит напомнить высказывание М. Волошина, относящееся к 1906 г.: «В демократии народ подчинён своей собственной воле, а это очень тяжёлый вид

¹⁵ Цит. по: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 242.

рабства». Это конкретное рабство очень хочется разменять на некое «идеальное» – практически безответственное – на деле *квазирабское* состояние. Внутри него и произрастает вера в космическую власть (или историю), которая рано или поздно, но непременно обратит свои взоры на «безгрешный» народ, живущий на «святой» Руси. Это и составляет Русскую идею – по сути своей довольно примитивную нравственную метаполитизацию и даже эстетизацию власти.

Известно, с другой стороны, что даже самый обычный человек в экстремальных обстоятельствах под влиянием харизматического авторитета или моноидеи способен утратить прежние моральные сдержки и обнажить своё жестокое примордиалистское естество. Обычное сочетание жизненных обстоятельств может породить личность диссипативного склада. В критических для империи обстоятельствах такой человек становится революционером и даже террористом. Внутренняя готовность к этому заложена едва ли не в каждом существе. Но особой склонностью к подчинению «новым Богам» отмечен человек, рождённый в среде, связанной жёстким ритуально-этическим регламентом.

* * *

Строго говоря, существуют только два реальных субъекта исторического бытия – информационное пространство, соединяющее людей с Богом, и «избыточная» плотская энергетика, заставляющая людей бесконечно враждовать друг с другом. По большому счёту примирить эти два начала может только свободное творчество, но обуздать их способна только вера. Гомоэнергетическое перенасыщение имперского организма таит страшную опасность для имперских иерархий.

В отличие от Запада в России власть вынуждена была иметь дело с «неуловимой» социальной энергетикой, наполняющей «необъятные» и «неопознанные» пространства. Теоретически возможно несколько вариантов их конфессионального насыщения: пантеистский хаос; мозаика изолированных верований; иерархия гетерогенных культов; утверждение единобожия с помощью центральной власти; «пластичная» вера, как орудие в руках власти.

С «единой» верой в России дело обстоит вовсе не столь просто, как это привыкли излагать православные иерархи. Во всяком случае, кивать на наследие Византии следует с осторожностью. Не стоит также связывать российскую революционность с христианской эсхатологией и мессианством. Исследователи считают, что в русском крестьянине поселился христианин, но сохранился и язычник. Синкретизм крестьянского мировосприятия, вовсе не исключал духовного бунтарства – некоторые авторы (А.С. Ахиезер) видят в этом непреходящую форму раскола¹⁶. Вера в России напоминает бродильное сушло сакральных поверий¹⁷, вольно или невольно канализируемое в государственное русло. В безграничных пространствах *вера во власть* казалась единственным средством обуздания хаоса.

Закрепощаемому россиянину не нужна была *свобода для*, более того, он в силу особенностей своего хозяйствования вообще не понимал такого содержания

¹⁶ Ахиезер А. Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. М., 2007.

¹⁷ В районах черты оседлости православные люди считали нормальным обращаться за «помощью» к раввину (См.: Белова О. Фигура служителя культа в народных представлениях // Россия XXI. 2009. № 3. С.136–137) – «официальная» вера не вытеснила магического компонента их сознания.

свободы. Он мог понять только *свободу от* необходимости навязанного ему общинно-тяглового существования.

Проблема веры особым образом сопряжена с проблемой империи. В принципе, если бесконечность и вечность становятся «координатами» существования державы, последняя сама становится верой¹⁸. Вера в сверхпатерналистскую *власть* тем более естественна, чем более основательно человек запутался в паутине им же созданных (или заимствованных) символов. Но оборотной стороной такой «нерушимой» веры является сомнение, доходящее до нигилистского глумления и над Богом, и над данной им земной властью. Такая ситуация особенно опасна, если основная масса населения остаётся без достойных официальных идеологов, как это случилось в пореформенное время¹⁹. Возникло пространство психоментального хаоса, составлявшее суть российских смут. Уязвимость империи растёт по мере её «успехов».

Впрочем, проблему конфессиональной нестабильности России (о чем у нас сегодня забыли) можно вывести из фактического отсутствия приходской культуры. Совсем не случайно то, что российские революционеры находили «общий язык» с сектантами. В сочетании с размытыми отношениями собственности отсутствие приходских очагов стабильности делало российское социальное пространство взрывоопасным.

* * *

По современным понятиям, главное в империи – её полиэтничный характер. Исходя из этого, считается, что историческая функция империи – обеспечить рождение наций. На деле историческая империя безотносительна к принципу этничности – это просто культура гегемонии над культурами. В принципе она может включать в себя в качестве этносы, пользующиеся исторически сложившимися формами самоуправления и не нуждающиеся в легитимизации их в рамках какой-либо автономии.

Но верхи должны «понимать» возможности системообразующего этноса – они не должны быть «нерусскими» по духу. Между тем, многие русские правые задолго до революции видели опасность в недооценке этого фактора. Профессор Б.В. Никольский, известный специалист по римскому праву (благоклонно отнесшийся к приходу большевиков, но ими же расстрелянный), ещё в 1896 г. писал: «Иноземная династия много зла принесла России и до сих пор ещё с Россией не породнилась»²⁰.

Российские иерархии полиэтничны. Столь же полиэтничными оказались и силы, их разрушающие. Всё так называемое русское дворянство и даже бюрократия были «интернациональны» – феодальные элементы нерусских народов автоматически приписывались к высшему сословию. Иные этносы оказались представлены в нём непомерно: среди бюрократов и офицеров было много прибалтийских немцев-аристократов, а в целом среди «русского» дворянства был непропорционально велик удельный вес выходцев из Польши и Закавказья. С другой стороны,

¹⁸ Исаяв И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007. С. 19–20.

¹⁹ См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

²⁰ Цит. по: Стогов Д.И. Указ. соч. С. 60

русская интеллигенция, как и всякое сообщество социальных отщепенцев, активно впитывала в себя этномаргиналов – особенно евреев, которым даже высшее образование давало весьма ограниченный шанс «выбиться в люди». В принципе, этномаргинальность сама по себе везде носит социально-провоцирующий характер: человек, лишившийся естественно устраивающей его «своей» среды, либо превращается в изгоя-индивидуалиста (здесь нет смысла обращаться к классическим работам этнопсихологов, достаточно вспомнить трагедию фолкнеровского Кристианаса), либо отыскивает сообщество себе подобных, составленных пусть по-иному, но также «отщепенческому» принципу.

Этот последний фактор в России приобрёл особое значение: в межпартийной борьбе черносотенцы особо упирали на «еврейско-социалистический» или «жидомасонский» характер своих оппонентов, хотя сами, судя по фамилиям своих лидеров, были вовсе не из «природных русаков». Важнее, впрочем, другое. В определённые моменты вся партийно-политическая интеллигенция рисковала предстать в глазах низов чуждой этнокультурной массой – тем более, что яростное отстаивание этой последней непонятных низам лозунгов не могло не вызвать настороженности и недоверия.

Так называемые национальные революции (национально-освободительные движения по прежней терминологии) также носили оборонительный этноконсолидационный, а не «сепаратистский» и/или сецессионистский характер. В результате разрушения имперских иерархий в массах нерусских народов создавалось впечатление, что «своя» власть сможет оперативнее и эффективнее решить острые социальные вопросы. Этим воспользовались всевозможные «националистические» лидеры, рассчитывающие на обретение автономии в рамках Российской демократической федеративной республики. При этом широко использовалась демагогия: украинские эсеры, к примеру, уверяли, что «самые плодородные» земли не должны достаться «москалям». Откровенными сецессионистами выступили только финляндские социал-демократы, польские и литовские политические лидеры. Внутри иных «национальных» элит откровенные сепаратисты составляли ничтожное меньшинство, активизировавшееся и имевшее некоторый успех только после победы большевиков.

В русской революции этномаргиналы играли значительную роль. Но сложившиеся в связи с этим мифы выглядят совершенно фантастичными.

Как известно, гражданская война (естественный компонент системного кризиса, порождённого революцией) наиболее «хаотичные» формы приняла на Северном Кавказе (что вполне сопоставимо с событиями в этом регионе в наше время). Как ни странно, опасность кровавого развития событий разглядели задолго 1918–1920 гг., но внятного толкования дать ей не смогли.

Ещё в 1906 г. в одном вполне академичном российском журнале было заявлено, что «Кавказ по распространённости убийств и разбоев занимает... первое и выдающееся место, несмотря на весьма энергичную борьбу с этими преступлениями административных и судебных властей...»²¹. Об объективности автора говорить не приходится – статья отражала тогдашние стереотипные межэтнические представления. Любопытно, что в ней армяне – обладатели наиболее выраженных

---

²¹ Эриксон Э.В. Об убийствах и разбоях на Кавказе // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 3. С. 157 (статья перепечатана из: Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1906. Ч. III, Вып. 1).

«еврейских черт характера» – объявлялись народом наиболее враждебно настроенными к русским. (И это вопреки тому, что было принято считать, что предпоследний наместник И.И. Воронцов-Дашков вёл проармянскую политику²²). Азербайджанцы, в свою очередь, признавались «самым разбойничьим племенем в Закавказье». Исходя из тогдашней статистики, был также сделан вывод, что убийств среди мусульман (особенно среди шиитов) бывает в 5 раз больше, чем среди христиан, а по интенсивности убийств лидируют города – «Баку (татары), за ним идет Владикавказ (ингуши), потом Тифлис (армяне и грузины)». Убийства связывались главным образом с потреблением спиртного (у христиан), а также с широкой распространённостью психических расстройств (особенно паранойи и эпилепсии) и обилием дегенератов²³.

В целом, предложенный набор оценок грешил крайней субъективностью. Достаточно сказать, что о склонности чеченцев к разбою автор не сказал ровным счётом ничего, тогда как позднее об этом твердила вся печать. Некоторые российские наблюдатели ещё в начале XIX в. называли чеченцев «самым беспокойным» из северокавказских народов²⁴. Современные исследователи связывают это с так называемой набеговой индустрией – реликтом традиционной культуры, в критические моменты охватывающей всё этническое сообщество²⁵. Но большего внимания заслуживают признания неэффективности на Кавказе «русского» официального суда и широком распространении самосудных акций, связанных с традициями обычного права²⁶.

На деле повышенная криминогенность (а в широком смысле агрессивность) населения на Кавказе может быть объяснена без всяких ссылок на «разбойный» характер тех или иных этносов. Дело в том, что с 1870-х гг. здесь имел место гомоэнергетический «перегрев»: демографический бум – а юношеская агрессивность всегда чревата дестабилизацией социальной среды²⁷ – сопровождался половым дисбалансом – мужское население заметно превышало численность женского населения. Это было характерно для всех народов²⁸; особо выделялись в этом отношении только курды в Эриванской губернии²⁹, туркмены и караногайцы в Ставропольской губернии³⁰. Грубо говоря, имело место своего рода перенасыщение тестостероном социального пространства. Естественно, это в первую очередь сказывалось на межэтнических взаимоотношениях. К началу XX в. это соотношение почти не изменилось, хотя в отдельных селениях с православным населением доля

²² См.: *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.

²³ *Эриксон Э.В.* Указ. соч. С. 164, 168–169, 173–175, 178.

²⁴ *Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь. Кавказская война XIX века. СПб., 2000. С. 268.

²⁵ См.: *Блиев М.М.* Россия и горцы большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 18.

²⁶ *Эриксон Э.В.* Указ. соч. С. 184–185.

²⁷ *Бочаров В.В.* Антропология насилия // Антропология насилия / Отв. Ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб., 2001. С. 505.

²⁸ См.: Терская область. Список населенных мест по сведениям 1874 года. Тифлис, 1878; Бакинская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. Тифлис, 1879.

²⁹ См.: Эриванская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1873 года. Тифлис, 1879.

³⁰ См.: Ставропольская губерния. Список населенных мест по 1873 года. Тифлис, 1879.

женщин в их численности несколько возросла³¹. Естественно, эта диспропорция сказывалась на межэтнических взаимоотношениях³². Нечто подобное наблюдалось в Закаспийской области³³.

Демографический бум в сочетании с лавинообразными миграционными процессами не просто подтачивал имперские иерархии, но и разрушал массовые представления о «друзьях» и «врагах».

Характерно представление о ведущей роли в революции евреев, хотя разобраться в этом феномене и, тем более, отделить реальное от воображаемого, мало кто пытался. Между тем, для начала следовало бы заметить, что между 1897 и 1910 г. еврейское городское население выросло почти на 1 млн. человек³⁴. Естественно, это нарушало привычный этнодемографический баланс. С другой стороны, в своих мемуарах (весьма далёких от объективности) С.Ю. Витте связывает радикализацию еврейства с ужесточением правительственной политики: «Из феноменально трусливых людей, которыми были почти все евреи лет 30 тому назад, явились люди, жертвующие своей жизнью для революции, сделавшиеся бомбистами, убийцами, разбойниками...»³⁵. Это мнение также далеко от непредвзятости. На деле, данную характеристику можно отнести лишь к незначительной прослойке еврейской молодёжи, полностью порвавшей с укладом жизни гетто (хотя общая тенденция к обрусению среди еврейской молодёжи несомненна³⁶). В целом, для предреволюционного времени характерен экстраординарный рост этнической подозрительности.

Недовольство внутренними «иностранными» (вовсе не одними евреями) распространялось по всей стране. Всё началось с «патриотов», некоторые заявления которых могли бы стать иллюстрацией к образу мысли троглодита. 29 ноября 1916 г. в Государственной думе правый священник К.М. Околович (Минская губерния) заявил, что существует «какой-то вампир, который овладел всей Россией». «Вампира» он отождествлял с немецкими банками, которые «работают на Германию». Он же заговорил о тех «изменниках и предателях», «которые держат в своих руках торговлю... и взвинчивают цены до невероятной высоты», призывая их вешать в порядке профилактики³⁷. Довольно скоро от правых эстафету приняли либералы и даже некоторые левые, считающиеся интернационалистами. При этом характерно, что образ внешнего врага сомкнулся с образом врага «внутреннего» – евреями. Последним стали приписываться все возможные злоупотребления. Из смеси гер-

³¹ См.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г.: Губернии и области Кавказа. СПб., 1905. С. 23–56.

³² Связь между агрессивностью социумов и их «маскулинизацией» дано известна. Исследователи, однако, затрудняются в ответе на вопрос, с чем связана «концентрация тестостерона» в тех или иных этносах.

³³ См.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей...: Закаспийская область. С. 87–88. Уровень «маскулинизации» мусульманского населения Самаркандской области (См.: Там же: Самаркандская область. С. 89–91) и Семипалатинской области (См.: Там же: Семипалатинская область. С. 91–94) также был высок. В Европейской России «маскулинизация» мусульманского населения была не столь заметна.

³⁴ Слэзкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М., 2007. С. 158.

³⁵ Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 400.

³⁶ Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007. С. 158, 162.

³⁷ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 140–141, 144.

манофобии и антисемитизма рождалась какая-то диковинная амальгама. Для иных патриотов что «немец», что «еврей» давно слились в однопорядковую категорию «врага». Правые требовали от правительства, чтобы «немецко-жидовские банки и их филиальные отделения в России не пользовались покровительством и кредитом государства». Соответственно прозвучало демагогическое требование «покровительства русским изобретателям».

Дело было сделано – обыватель всё больше стал отождествлять власть с этнически чуждыми элементами. Страна наполнялась всё более едкими антиправительственными слухами – любые общественные пороки стали связываться с властью. В декабре А.Ф. Керенский нарисовал своего рода сюрреалистическую картину действий высших должностных лиц, «вступивших в соглашение с неприятелем» и создавших внутри крепости-России «сеть потайных ходов», через которые враг может ворваться в неё³⁸.

Не удивительно, что в низах власть стала превращаться не только в «немецкую», но и еврейскую. Императрица из «немки» превратилась в «еврейку». Со временем и сакральная фигура императора превратилась в свою «еврейскую» противоположность³⁹. Трудно вообразить, какое количество самых дурных слухов стало гулять по России. К сожалению, бывает очень трудно убедить, что в кризисные времена нелепый слух может превратиться в страшную силу, способную разрушить империю.

* * *

Сила и устойчивость (соответственно и конфигурация) любой имперской власти связана не с интенсивностью насилия и не с его театральными суррогатами, а со степенью (тотальностью) овладения пространством⁴⁰. Имеется в виду не просто пространство (территория), но также и пространство населения. Только при организации их в *информационно-временную* целостность (иерархию социальных энергий, ценностей и смыслов) возникает надежно управляемое *пространство власти*. Сбои в её функционировании чреваты разрастанием *пространства хаоса*. «... Все революционные события в истории нашего отечества связаны прежде всего с неспособностью власти выполнять свои сверхъестественные функции... При всём различии точек зрения учёных историков на октябрьские события следует констатировать, что народ в массе своей принял смену власти. Нельзя, по-видимому, расценивать и убийство царской семьи большевиками лишь как акт жестокости. Её физическое устранение служило лишним раз свидетельством утраты царём и его родом “силы”, что укрепляло в глазах народа легитимность смены власти»⁴¹, – отмечают исследователи.

³⁸ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 213.

³⁹ В октябре 1916 г. в Саратовской губернии обнаружилась некая «странница», которая внушала слушателям, что Николай II вовсе «не есть Государь природный, а отпрыск жидовской крови», узурпировавший престол у великого князя Михаила Александровича. Цит. по: *Колоницкий Б.И.* Евреи и антисемитизм в делах по оскорблению членов российского императорского дома. С. 95, 94.

⁴⁰ См.: *Королёв С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

⁴¹ *Бочаров В.В.* О культурно-исторических истоках русского тоталитаризма // Угол зрения: Отечественные востоковеды о своей стране. М., 1992. С. 182, 190.

Предреволюционная власть не смогла использовать спонтанные модернизационные процессы для создания пространства самодержавного *управления*, опирающегося на *самоуправленческие* подсистемные элементы. Постреволюционная власть двинула по тому же пути, ибо изначально опиралась на психологию традиционалистской массы, «уставшей от свободы».

Революционеры XX в. пребывали в уверенности, что создают не просто справедливое, но и качественно новое общество. Однако привычная государственность вновь возродилась с помощью «перебесившейся» традиции. Рекреационный процесс получает преобладание тогда, когда «человек толпы» вновь соглашается на роль существа, ведомого государством – не важно каким. Конечно, он корректируется и стимулируется стандартными приемами самопрезентации власти. Отсюда попытки создания «гения всех времен и народов». Политики всегда старались использовать в своих целях «энергию воспоминаний»⁴². Государство спектакля иначе существовать не может. Но такое лицедейство в свою очередь провоцирует новую кризисную волну.

Литература:

- Goldstone J.* The Comparative and Historical Study of Revolutions // *Revolutions. Comparative and Historical Studies.* Ed. by J. A. Goldstone. Davis, 2003.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005.
- Ахиезер А.* Октябрьский переворот в свете исторического опыта России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. М., 2007.
- Белова О.* Фигура служителя культа в народных представлениях // Россия XXI. 2009. № 3.
- Блиев М.М.* Россия и горцы большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.
- Бочаров В.В.* Антропология насилия // Антропология насилия / Отв. Ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб., 2001.
- Бочаров В.В.* О культурно-исторических истоках русского тоталитаризма // Угол зрения: Отечественные востоковеды о своей стране. М., 1992.
- Булдаков В.П.* Революция и гражданская война как травма исторической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 26 (54).
- Булдаков В.П.* Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59).
- Булдаков В.П.* Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.
- Булдаков В.П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1.
- Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- Вронский О.Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «Великих потрясений» (1905–1917). Тула, 2000.
- Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь. Кавказская война XIX века. СПб., 2000.
- Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000. С. 66–67.
- Жижек С.* Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.

⁴² *Дебор Г.* Общество спектакля. М., 2000. С. 66–67.

- Иванов А.Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007.
- Исаев И.А. Топос и номос: пространства правопорядков. М., 2007.
- Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.
- Кагарлицкий Б. Наваждение. Симптомы одной болезни: конспирология и политтехнология // Русская жизнь. 2008. № 6 (23).
- Королёв С.А. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.
- Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: К постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4.
- Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.
- Ливен Д. Россия как империя и периферия // Линия судьбы. Сборник статей, очерков, эссе. М., 2007.
- Пивоваров Ю.С. Русская политика в её историческом и культурном отношении. М., 2006.
- Семенникова Л.И. Современная историография истории России XX века: система координат // Историки размышляют: Сб. ст. М., 2008. Вып. 6. С. 23
- Слёзкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М., 2007.
- Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005.
- Соловей В.Д. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007.
- Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008.
- Стогов Д.И. Февральские события 1917 года глазами консерваторов // 90 лет Февральской революции в России / Отв. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2007.
- Страда В. Россия как часть и Иное Европы // Линия судьбы. Сборник статей, очерков, эссе. М., 2007.
- Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
- Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов-на-Дону, 2009.
- Эриксон Э.В. Об убийствах и разбоях на Кавказе // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 3.

Vladimir P. Buldakov

**OCTOBER REVOLUTION: ANOTHER DIMENSION OF
«CATASTROPHIC» PAST**

Summary

Author reconsiders the standard views on Russian revolution, as political coup d'état, based primarily on its «objective» preconditions. On his opinion the revolution in Russia may be reviewed as system crisis of empire, connected with long-temporal changing in psychology of masses.

Keywords: October revolution, violence, empire, mass psychology, ethnodemography, cultural anthropology, ethnophobia

---